

Бату Сиразетдинов,
полковник флота в отставке

Новеллы

Беда

*... В сорок первом, в сорок памятном году,
Протрубили репродукторы беду...*
Р. Рождественский

В начале 1941 года жизнь моя складывалась весьма удачно. Я заканчивал 10-й класс в рабочем поселке Миндяк и мечтал о военно-морском училище. К морю тянула впитанная из приключенческих книг романтика морей: бесстрашные капитаны, новые географические открытия, подвиги отважных первооткрывателей и храбрые матросы в морских сражениях. Что говорить - мне нравилась и форма моряков. И когда к нам, в континентальный поселок, весьма отдаленный от морей и океанов, забредал служивый моряк, мы, мальчишки, зачарованные его бравой выправкой и красивой формой, табуном ходили за ним. С годами по мере прочтения серьезных книг о мореплавателях и флотоводцах мое желание укрепилось. За романтикой проглядывался огромный труд этих людей, обогащенных высокими знаниями, мужественных и упорных.

Подвернулось объявление в «Комсомольской правде» о приеме в высшее военно-морское училище в Ленинграде. И мечты перешли в плоскость реальных дел. Немедленно написал туда. И... чудо! Пришла бумага за подписью начальника строевого отдела интенданта 2 ранга С.Фока (до сих пор помню). В конверте были: условия приема, бланк формы заявления, справка(форма) о состоянии здоровья. Все это в заполненном виде я должен был выслать к определенному сроку.

В глухомани, где казенная бумага была в редкость, тем более адресованная школьнику, письмо вызвало у меня чувство значимости. Надо не надо, я часто вытаскивал эти бланки, стараясь делать это прилюдно, и с радостным самолюбованием перечитывал их.

Но появилось первое осложнение. Учился я неплохо. Хотя на «золотой аттестат» еще не тянул, и это заставило меня еще плотнее засесть за учебу. Но вот что оказалось сложнее: выяснилось, что справку о здоровье должна дать военно-врачебная комиссия, а она в районном центре в Учалах, а до них 90 километров. Председатель поселкового совета, к которому я обратился с просьбой выделить подводу, покрутив мои бумаги, отказал.

- Не положена подвода - это частное дело, деньги на это не предусмотрены. Вот если б у тебя была повестка по приказу, тогда - пожалуйста!

Искать частную подводу - дело безнадежное, наступило бездорожье, да и денег на ее оплату, прямо скажем, не было.

Тут такая же бумага пришла моему однокашнику - Искандару Билалову, только в другое училище. Думали, думали и решили - махнуть пешком. Сказано - сделано. Тронулись в путь. Не буду описывать все наши мытарства. Комиссию прошли удачно и нужные документы были оформлены. Скажу только: когда шли обратно, решили сократить путь на 15- 18 километров, а это вброд через Урал чуть ниже Гайрамгульского совхоза (теперь поселок Уральский). Река вздулась и вышла из берегов, временами шли льдины. Холодище!.. Поколебались, поколебались и решились. Только случайная сухая лесина, нависшая с того берега, помогла выбраться, а то был бы каюк! До сих пор, как вспомню, -холодок по спине.

В субботу, 20 июня был выпускной вечер. Это был первый выпуск 10-го класса Миндякской средней школы. Нас было 17 выпускников. 21-го началась война.

Вызов в училище все-таки пришел. Не помню, какое это было число, но я был обязан прибыть в училище для сдачи экзаменов 17 июля.

Были сборы, было большое расставание. Плакала мать, притихнув, молча, глазели братишка и сестренка, мужественно держался отец. Пришли проводить друзья-однокашники, родные, близкие, соседи. Не могу в

точности вспомнить, какое это было число, но мы ориентировались (выслушав бывалых людей) на то, что на дорогу нужно 5-6 дней. До Учалов отвез меня отец, одолжив лошадь у дяди Алексея Сазанова - нашего соседа.

В районном военкомате у меня произошла осечка, заставившая пережить что-то вроде шока. Служащий военкомата, который отвечал за оформление документов, вылил на меня ушат холодной воды:

- С началом войны военкоматам дано указание в училища добровольцев не направлять, а достигших призывного возраста направлять на формирование частей, так что, Сиразетдинов, отправляйтесь домой и ждите - Вас призовут!

У меня отвисла челюсть. Подавленный, прямо скажем, неожиданностью, вышел на улицу и, сидя на скамейке, ушел в свои печальные думы.

«Как много преград на пути человека», - подумалось мне.

- Вы что, молодой человек, тут делаете? - раздался надо мной чей-то голос.

Я вскочил. Передо мной стоял районный военный комиссар, капитан. Надо сказать, с военным комиссаром я был знаком. Дело обстояло так: люди моего поколения, может, помнят, что перед войной для школьников организовывались игры оборонного характера, даже в масштабе страны. Такая игра в тот год проводилась «Комсомольской правдой». В своей школе я был одним из главных закоперщиков по организации и проведению этой игры. Проводились занятия по патриотическому воспитанию, стрельбе, лыжным походам и ориентированию, разыгрывались небольшие тактические этюды, сдача норм на значки БГТО, ПВХР, «Ворошиловский стрелок», действия в строю. Игра длилась неделю в зимние каникулы.

Случилось так, что наша школа проверялась райвоенкоматом. Капитан пробыл в школе целый день, а подводя итоги, похвалил всех. Потом рассказал о событиях на озере Хасан, где он был награжден орденом.

Я сбивчиво поведал военкому о том, что случилось. Он внимательно выслушал меня.

- Ну, пойдем ко мне.

В кабинете посмотрел мои бумаги. Пригласил служащего:

- Давай, Петрович, уж нарушим директиву. Пускай едет, кому, как не ему, быть командиром, - и добавил, - доброго пути тебе, парень!

И вот я на станции Миасс, на знаменитой Транссибирской магистрали. Робко подаю в кассу «литер» - так он тогда назывался, и получаю первый в своей жизни железнодорожный билет.

Но вот незадача: поезд, на котором я должен ехать, придет в час ночи. И ждать мне придется долго-долго...

Время тянулось долго и нудно. Не имея своих часов, я довольно часто заходил в зал ожидания посмотреть на часы, висевшие над окошком кассы: стрелки двигались медленно... Прилипли, что ли? Я изучил всю привокзальную площадь, несколько раз заходил в единственный магазин, выучил все, что было написано и наклеено на стенах вокзала, даже один раз попил чайку в буфете, подолгу сидел на скамеечке в привокзальном сквере и на платформе.

Дорога напряженно работала: товарные поезда и воинские эшелоны шли на запад. Они на станции не останавливались – оставив за собой грохот колес, исчезали вдали.

Эшелоны с небольшими интервалами все шли и шли с зачехленными на платформах танками, пушками: у раскрытых дверей теплушек под аккомпанемент гармошек лились залихватские с присвистом песни. Я с гордостью взирал на эту силу и как-то не очень тревожно воспринимал сообщения репродукторов о первых неудачах и поражениях. Воспитанному своим временем, мне война представлялась победными эпизодами из фильмов «Если завтра война», «Четвертый перископ», «Танкисты», «Истребители».

Глядя на проходящие эшелоны, думал: «Вот она, эта силища! Кто устоит против нее!». А главное, я уже невольно причислял себя к ним. Пройдет некоторое время, и я займу свое место в этих рядах... Когда на минутку-другую притормаживал поезд, на платформу поразмяться выскакивали молодые лейтенанты - предмет моей белой зависти. Стройные, в отлично пригнанной форме, в хрустящих на ходу португях, до зеркального блеска надраенных сапогах, в лихо заломленных фуражках и пилотках... Блеск!

Часам к четырем дня, медленно сбавляя скорость, скрипнув тормозами, у платформы замер состав. Это был необычный поезд. На бортах вагонов в белом круге ярко выделялся крест. Это был военно-санитарный

поезд для перевозки раненых на значительное расстояние из районов боевых действий в тыл. Чистенький, ухоженный, новенький. «Из тех, что стояли на запасном пути», - подумал я. Открылись тамбуры, засуетились начальники. Веселой стайкой выпорхнули из вагонов молоденькие сестрички и санитарочка и сбились в щебечущие стайки. Все в новенькой, подчеркнуто аккуратной униформе, в белых фартуках и косыночках, отмеченных вышитыми красными крестами. Простушки и кокеточки. И озарилась платформа беззаботным смехом, лучезарными улыбками, разноцветием широко раскрытых глаз. Ну, влюбляйся хоть враз во всех!

Милая беззаботность юных созданий передалась и мне. Как-то потеплело на платформе, стало уютнее в моем скучно-сером ожидании.

Уверенно прошел мимо стройный командир со шпалой в петлице и скрылся за служебной дверью. Потом командир снова появился на платформе, уселся рядом со мной, с улыбкой наблюдая за своей беззаботной командой.

- Мария Ивановна, - окликнул он женщину в форме старшины, проходившую мимо, - простои́м часа два. Распорядитесь об обеде, пожалуйста.

Посидел немного молча, посмотрел на меня оценивающим взглядом.

- Куда Вы, юноша, едете?

Я вкратце рассказал.

- И когда же Ваш поезд?

- Не скоро еще, в 12.30 ночи.

- Можно посмотреть Ваш билет и документы?

Он внимательно просмотрел мои документы и неожиданно предложил:

- Не хотите поехать вместе с нами? Поезд идет на Москву порожняком. Места много и повеселее будет Вам. Соглашайтесь.

Я не поверил такому везению и с радостью согласился. Мы подошли к вагону, где размещался медицинский персонал. Капитан обратился к уже знакомой мне Марии Ивановне:

- Распорядитесь, пожалуйста, постелить этому юноше в моем купе. Да и накормить неплохо бы...

С таким комфортом я больше никогда не ездил. Мир все-таки полон хороших людей. Приятное общение с милым Иваном Тимофеевичем, ненавязчивым, сдержанным, ровным в обращении с людьми. Окружение милых девчат — моих ровесниц. Все это делало путешествие прекрасным.

Лишь одно обстоятельство вызывало беспокойство: очень медленно шел поезд, подолгу задерживаясь на станциях и полустанках. Но Иван Тимофеевич уверил:

- В Москве будем вовремя.

На станциях, где стояли подолгу, Иван Тимофеевич предупреждал:

- Далеко не отходи от поезда - могут стоянки сократить.

Не помню, какое это было число, но к полуночи наш поезд притормозил на станции с поэтическим названием «Майна». С платформы расходились люди, большинство женщины и дети. Из обрывков фраз было ясно, что они проводили своих мужей и братьев только что ушедшим эшелонem. Печать печали, печать утраты лежала на их лицах - покорная дань судьбе. Платформа быстро опустела. Я прошел в скверик, примыкающий к вокзалу, и присел на скамеечку, не упуская из поля зрения свой состав. Наступала теплая, тихая соловьиная ночь. Началась самозабвенная переключка, полились неповторимые трели. Где-то грохочет война, а на этой тихой станции состязаются в своем искусстве божьи создания. И вдруг в момент паузы я услышал какие-то странные звуки. Прислушался. На скамейке, скупо освещенной тусклым фонарем, вырисовывался силуэт сидящей женщины и припавших к ней двух детей. Время от времени всхлипывания сотрясали ее:

- На кого же ты нас бросил, сокол мой ясный? Покинул нас, горемычных.

Затем, прижимая детей, поднялась и тихо удалилась. И я расслышал еще:

- Сиротиночки вы мои, сиротиночки.

А соловьи насвистывали...

Не спалось мне в эту ночь, не спалось. В полусне, путаясь, видел женщину с детьми, слышался беззаботный соловьиный концерт.

Утром наш поезд стоял на крупной станции. Не помню, как она называлась. Пути обтекали платформу с двух сторон. На противоположной стороне была суэта: стояли две санитарные машины, крытый брезентом фургон, небольшая кучка людей. Они ожидали прибытия какого-то состава и вглядывались в сторону прибытия поезда.

Притормаживая, тихо к платформе подходил состав - точная копия нашего. Но какой контраст! Обшарпанные, повидавшие непогоду вагоны. Ветер и вода серыми разводами размазали белые круги с красными крестами. Часть окон выбита и заделана фанерой. На бортах вагонов следы осколочных попаданий - побывал поезд в передрягах фронтовых дорог. В открытых окнах люди с марлевыми, окровавленными повязками. Тяжелые небритые лица, запах медикаментов и немых тел.

Открылись двери тамбуров и показались врач и медсестры, измотанные многодневной дорогой рядом с людскими страданиями, людской болью, на своих постах милосердия и подвижничества.

Сразу что-то изменилось в кучке столпившихся поодаль девчат нашего поезда. Еще до конца не осознав того, что предстало перед их глазами, они получили наглядный суровый урок жизни. Вот она, реальная жестокость войны!

Команда прибывшего поезда враз занялась делами, положенными на таких стоянках: сдавали грязное белье - получали чистое, пополняли запасы продовольствия, медикаментов. Осторожно сгрузили и в санитарных машинах отправили несколько тяжелораненых, кому дальнейшее путешествие в поезде не под силу - видать, нужны сложные операции. Выгрузили и увезли в крытом фургоне тех, кто на перегоне закончил земные дела.

Посоветовавшись с начальником прибывшего поезда, Иван Тимофеевич собрал своих и распорядился:

- Давайте, девочки, поможем коллегам.

И быстро распределил их по работам: кому на погрузку, кому на перевязку, кому на смену постельного и нательного белья в вагонах...

Покончив с положенными делами, поезд медленно, как бы нехотя, двинулся дальше, развозя по городам и весям людскую печаль, боль и беду. Ушел поезд, оставив на платформе вмиг повзрослевших наших девчат, лицом к лицу столкнувшихся с тем, что их ожидает совсем скоро. И легли вокруг глаз, на лбу, у уголков рта едва заметные морщины.

С этого момента наш поезд резко изменил ритм своего движения — он идет почти без остановок. К утру 15 июля мы прибыли в Рязань. Побывав на связи, Иван Тимофеевич сказал:

- Вот что, парень, обещание, к сожалению, не выполнил. Нас срочно поворачивают на юго-запад. Дела там, видимо, складываются неважно...

Я тепло попрощался с теми, с кем провел несколько прекрасных дней общения, с милыми девочками, добрым и отзывчивым Иваном Тимофеевичем. До 17-го июля оставалось два дня.

Я штурмом взял вагон поезда Рязань-Москва и пристроился, стоя у входной двери в тамбуре. Вагон был набит битком. Так я ехал несколько часов. Люди в вагоне постепенно утрясались. Почти освободился проход, где находились места. Начиналась обычная вагонная жизнь: знакомились, закусывали. Начались постепенно обстоятельные беседы. Хотя говорили о разном, но настрой как бы витал вокруг одного, что объединяло всех в эти дни:

- Последние известия не слушали? Что говорят?

- Вот ездил в деревню под Рязанью за внуками - родители на казарменном положении.

- Еду к дочери, она вот-вот родит, а зятю повестка пришла...

- Отправили детей на юг, в Крым, а оттуда никаких вестей. Волнуемся.

- Моего Ваню на второй день призвали, а вестей от него нет...

Говорят, в Москве осадное положение введут...

- Соседке похоронная пришла, и сын раненый в госпитале...

- Девчат с завода на оборонные работы отправляют.

К полуночи разговоры постепенно стихли. Пассажиры, притулившись в неудобных позах, склонив головы на плечи друг другу, погрузились в беспокойную дремоту

Присматривая себе место, где бы присесть, я вздрогнул: я увидел ее. Нет! Я не мог ошибиться. Это была именно она - предмет моих юношеских грез, моих мечтаний, часто появляющаяся в моих снах. Она пришла ко мне со страниц прочитанных романов, описанная великими классиками, воспетая лирикой великих поэтов, посвященной прекрасным созданиям. Я нисколько не сомневался - этот образ должен существовать наяву. И вот она предо мной. Глаза наши встретились, она удивленно посмотрела на меня, подвинувшись, взглядом указала место подле себя. Я осторожно присел. Мы постепенно разговорились, несмотря на то, что от ее взгляда у меня пересохло горло. Прошло совсем немного времени, а показалось, что мы знакомы давным-давно. Было печально, что через несколько часов нужно расставаться. Она положила свою теплую, излучающую какое-то доверие ладонь на мою руку. Мы говорили доверчиво и проникновенно.

- Жаль, что ты торопишься, побыли бы вместе хоть немного.
- Я вернусь, вернусь обязательно!
- Война ведь...
- Она скоро кончится.

Потом мы стояли рядом и смотрели на пробегающую мимо ночь.

Вглядываясь в освещенное тусклыми фонарями ее лицо, я угадывал милые очертания и бездонную глубину ее серых глаз. Она не была красавицей, но она была, как мне казалось, само совершенство, само обаяние. Мы говорили и не могли наговориться. Она студентка, окончила I курс медицинского института. Под Рязанью устроилась на работу в пионерский лагерь. А сейчас детей всех разобрали. Едет домой в Москву. «Мы с подругами решили добровольцами отправиться на фронт. Хоть один курс медицинского института, но для санинструктора уже достаточно». Я сжал ее руку: «Не страшно?», «Все может быть, но иначе я не могу». Какая-то необычная жалость охватила меня, захотелось обнять ее, приласкать. Я несмело поцеловал ее. Она немного смутилась. Нежным пальцем долго-долго водила по моему лицу, потрогала брови, слегка коснулась губ.

-Ты не усский?

- Башкир я...

- Ой, надо же... - и, сжав мои щеки, прижала к себе и долгим незабываемым поцелуем закрепила радость наших чувств.

В Москве она провела меня на Ленинградский вокзал, помогла оформить билет. Печально, печально улыбнулась на прощание.

Я прибыл в Ленинград точно 17 июля и с ходу попал в такой водоворот событий, что каждый из них - особая тема. События развивались столь быстро, что сейчас, по прошествии почти 60 лет, последовательность их путается в памяти. Тем не менее, уже 18 июля, еще кандидатами, наша учебная группа включается в бешеную гонку по программе профиля училища, не говоря уж о строевой подготовке, нарядах и хозяйственных работах. Враг приближается. В конце августа училище покинуло Знаменку (Н. Петергоф) и перебазировалось в Адмиралтейство. В начале августа я принимаю присягу. Интенсивные занятия в Ленинграде, нескончаемые воздушные тревоги, патрулирование по городу. 4 сентября первый артиллерийский обстрел города. 8 сентября горят Бадаевские склады с большими запасами продовольствия, обрекая город на голод. По решению командования из состава курсантов формируется стрелковый батальон. Вспоминая сегодня те бои, с удивлением констатирую: практически не запомнился ни один какой-то момент, какой-то отдельный период. Все слилось в беспрерывный единообразный сгусток времени, в котором наиболее памятным было бесконечное рытье окопов, неожиданные смены позиций, чувство такой усталости, что уже перестаешь замечать смертельную опасность. Урывками сон, как короткое беспмятство, и постоянное чувство голода. Бои шли, как правило, днем. В основном нам удавалось сдерживать противника. Тем более, что немцы не любили ближнего боя, в упор, с гранатами и штыком. Мы уходили ночью. Ночью же обустраивали огневые позиции, чтобы утром

выдержать натиск немецких солдат. У меня и сейчас, спустя почти 60 лет, как только начну вспоминать то время, в ушах начинают звучать слова команды: «Отсекай пехоту, мать ее растак!», «Готовь бутылки!», «Вперед!».

Очень хорошо помню вот еще что. Уже через несколько суток таких боев возникает ощущение, что ты на войне уже давно, что кроме войны в мире ничего нет. Где-то там далеко и почти нереально живут в другом мире люди, твои родные, друзья. Даже моя вагонная встреча, неожиданная и волнующая, оказалась на дне подсознания.

Нам все-таки удалось крепко зацепиться на заранее подготовленных ленинградцами рубежах обороны. Нас не могли сдвинуть целых две недели! Здорово помогла наша флотская тяжелая артиллерия. А потом поползли слухи, что немцы уходят. Да, значительная часть дивизий была отправлена в помощь немецким дивизиям, наступавшим на Москву. Значит, выстояли! Спасли Ленинград, спасли Балтийский флот!

Жалко, до боли жалко, когда на твоих глазах гибнут твои друзья. Да, друзья. Мы ими стали за эти дни боев. Наш батальон отчаянно, храбро сражался на ближних подступах к Ленинграду (на ораниенбаумском направлении). За время боев мы потеряли 2/3 состава убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 2 ноября остатки батальона (51 человек) возвращаются в училище. (Это подробно описывается в книге бывшего бойца-курсанта этого батальона, капитана 1 ранга в отставке Полякова Георгия Герасимовича «Морской курсантский батальон». - Лениздат, 1985 г.).

4 декабря объявлена эвакуация училища: война будет затяжная - кадры командиров будут нужны, потери в их составе большие. 9 декабря 1941 года колонна курсантов вступила на Ладожский путь. До станции Ефимовская преодолели путь (за 15 дней) в 400 километров, 235 из них - в пешем строю. 27 декабря эшелон прибыл в Вологду. Тут объявили, что конечный пункт эвакуации - Москва. Училищу отвели здание института Советской кооперативной торговли на Волоколамском шоссе...

Вот ведь как бывает. По мере удаления времени боев, все чаще всплывала в моем сознании вагонная встреча. Надя, Наденька. Что с ней сейчас? Не ушла ли в армию? Увидеть ее хотелось нестерпимо. Я рассказал о ней командиру моей роты. При первом же удобном случае он выдал мне увольнительную в город.

Враг был отброшен далеко от Москвы, но облик фронтового города еще сохранился: баррикады, огневые точки, противотанковые «ежи», прочие заграждения встречались на пути. Отыскав на Большой Грузинской улице заветный дом, я робко нажал на звонок ее квартиры. Дверь мне открыл высокий седоватый мужчина.

- Могу я видеть Надю?

Внимательно посмотрев на меня, он спросил:

- Вы из Ленинграда?

Получив мой ответ, он жестом пригласил меня войти. Когда я разделся, он открыл дверь. Я оказался в небольшой уютной комнате. Присел на стул. Сердце мое учащенно билось. Наступил миг, которого я ждал в мечтах целых полгода. В дверь вошла женщина, удивительно похожая на Надю. Я встал. Подойдя ко мне, она прижала меня к себе:

- Нет Наденьки, сынок! Погибла наша Наденька...

Все пошло кругом. В то мгновение мне показалось, что кончилась и моя жизнь.

Грустная и такая обычная для тех суровых дней история. Когда положение под Москвой стало угрожающим, пошла она в райком комсомола и в военкомат - настояла на своем.

Оказывая помощь на поле боя раненым и вытаскивая их из-под обстрела, нашла свою смерть Наденька, нежное сердце которой было полно любви и надежды. Беда крылом своим накрыла и меня, как многие, многие миллионы в этой войне.

Много досталось на нашу долю: бесчисленные потери, неудачи и болезни. Но не очерствели мы за прошедшие годы душой. Несмотря на возраст и болезни, мы вспоминаем павших и склоняем свои поседевшие головы над их могилами.

Бой, не вошедший в историю

Все мои военные годы связаны с Ленинградом. 17 июля 1941 года я прибыл в этот город и стал курсантом военно-морского училища. Там же, в Ленинграде, 9 мая 1945 года вместе со всей страной встретил долгожданную победу. Я проходил службу на эсминце «Грозный», который в те дни стоял в плавучем доке Канонерского завода и залечивал раны, полученные в боевых действиях.

В сентябре-октябре 1941 года в составе морского курсантского батальона участвовал в тяжелых боях на подступах к Ленинграду. Затем в конце декабря по только что установленной «дороге жизни», по приказу высшего командования, училище было эвакуировано в Москву. В октябре 1942 года я вновь возвратился в Ленинград. Ладогу уже в обратном направлении пересек на пароходе «Уснаев», который на этом переходе чудом уцелел под непрерывной бомбежкой с воздуха. Пароход получил повреждения, значительное количество пассажиров и некоторые члены экипажа корабля получили ранения, а 7 человек погибло. Прибыв в Ленинград, я на долгие 6 лет прописался (был назначен) на эсминце «Грозный» на должности начальника службы снабжения - командира зенитной батареи (не штатским).

Неоднократно во время налетов авиации руководил зенитными средствами корабля. В марте 1943 года во время прорыва блокады был контужен. Очень часто руководил командами, сформированными из личного состава корабля, по спасению людей из заваленных подвалов и убежищ, тушил пожары, организовывал эвакуацию раненных в лечебные учреждения. Организовывал необходимое для корабля питание. Нес долгие, изнурительные часы корабельной вахты.

Немногочисленная служба снабжения на корабле, за исключением двух коков, расписана на боевых постах корабельной артиллерии, а именно: в артиллерийских погребах, на подаче снарядов и зарядов к орудиям. Работа в бою ответственная и тяжелая. В замкнутом пространстве и загерметизированных помещениях.

Мое же место по боевой тревоге - на запасном командном пункте (ЗКП) на открытой площадке средней надстройки корабля. Отсюда я при необходимости управлял зенитными средствами. Старшим на ЗКП является помощник командира корабля.

Ритм сложного организма корабельной жизни зависит от многих причин. И одна из них - в какой ситуации в данное время корабль находится. К январю 1944 года эсминец «Грозный», несколько раз менявший место стоянки, прочно укрепился у Володарского моста на левом берегу Невы.

Артиллерия корабля изредка вела огонь по целям, выданным командованием. К этому времени назревали решающие события в судьбе города.

Советские войска вели успешные наступательные операции на всех фронтах. И вот наконец 14 января наступлением с Ориенбаумского плацдарма начали операцию части 2-ой ударной армии. На Пулковском направлении в операцию включились части генерала Симоняка.

Утром 15 января заговорили мощные орудия кораблей невской группы. Огнем кораблей эскадры руководил флагманский артиллерист эскадры капитан 1 ранга Сагоян. Артиллерия кораблей, то на время замолкая, то через некоторое время вновь открывая огонь, подчинялась какой-то логике, которую мне с моих лейтенантских позиций понять было не суждено. Так продолжалось несколько дней. И вот однажды я не услышал уже привычных залпов 180 и 130 мм орудий кораблей. Стояла, если так можно выразиться, артиллерийская тишина. «Видимо, так надо», - подумал я, занятый делами в своем беспокойном хозяйстве. Вдруг по корабельной трансляции прозвучало: «Лейтенант Сиразетдинов! Срочно к командиру!» По трапам мигом взлетел на мостик (на кораблях по трапам только бегом - таков неписанный корабельный закон). На мостике командир капитан 3 ранга И. И. Маеевский, его помощник Борис Тихонович Чучин, командир БЧ-2 Миша Егоров и Павел Коломицин - командир управления артиллерийским огнем - о чем-то горячо спорят. Не дослушав, просто не выслушав моего рапорта, командир изрек: «Вот что, Бату! Дуй срочно в тыл, хватай машину и пулей на мясокомбинат! Найди там Карпова и мигом его на Пулковские высоты! Валяй! Быстро!» Когда я уже «грохотал» вниз по трапу,

донеслось: «Поесть им захвати!» Надо сказать, что с командиром у меня как-то все сложилось сразу, с первых дней. Об этом, если успею, расскажу потом. Думаю, что он по-своему любил меня. У него была привычка - ставя задачу, он оставлял какую-то нишу и добавлял: «Остальное домыслишь сам...». Захватив продукты для команды Карпова, пулей вылетел на трамвайную линию и на ходу запрыгнул в трамвай № 6. Трамвай тащится. Сколько времени я теряю! Но выхода нет. Собираю в кучу нервы и постепенно успокаиваюсь, осмысливая, что произошло. Стало ясно, что немцы в результате наступления наших войск отошли за Пулковские мосты, а коррпосты, расположенные на прежних позициях, новые щели противника не просматривают. Наш коррпост находился на мясокомбинате, поэтому мне моя задача стала ясна, как тертый пятак: перетащить Карпова оттуда на Пулковские высоты. Конечный пункт трамвайного маршрута - «Площадь труда». Мчусь в тыл военно-морской базы. Под словом «тыл» понималась тогда «совокупность управлений, отделов, учреждений, арсеналов, мастерских, складов и т. д., занимающихся материально-техническим обеспечением подразделений и кораблей флота». Располагался он (как и сейчас) на территории «Новой Голландии» - архитектурно-исторического комплекса, окруженного каналами с выходом на Мойку. Был он, естественно, заложен Петром I как функциональная зона в общей цепи флотостроительной программы. Комплекс построен на века - многофункциональные, емкие хранилища, канатное производство, пошив парусов, арсеналы, мастерские по пошиву обмундирования и другое. Во времена парусного флота к этим сооружениям по водным каналам подходили баркасы, шлюпки, баржи. Там они разгружались и загружались. В западной части комплекса находится круглое трехэтажное здание (в едином архитектурном стиле), в котором размещается управление комплексом. С петровских времен и до наших дней выполняется предназначение этого комплекса. Этим ансамблем владеет флот России (в советское время — флот СССР). С петровских времен – место знакомое и дорогое многим как один из символов славы российского флота. Рядом, по другую сторону канала, находится здание флотского экипажа, которое тоже знают многие поколения моряков. Здание с южной стороны примыкает к Мойке, где расположен «поцелуев мост». На этом мосту прощались моряки со своими любимыми, уходя в долгое плавание.

Хотя я здорово отвлекся от канвы моего повествования, не могу еще не сказать вот о чем. Совсем недавно А. Собчак, будучи мэром Санкт-Петербурга, попытался отобрать этот комплекс у флота, предполагая разместить там развлекательно-игровые залы: казино, бары, рестораны. Сколько ненависти у человека к нашей истории, к славной памяти русского флота!

Я возвращаюсь к своему рассказу.

... Вихрем врываюсь в транспортный отдел - там меня понимают с полуслова. Мне чертовски везет: прямо под окном стоит машина, которую я могу немедленно использовать. На ходу знакомлюсь с шофером. Дребезжа всеми деталями и агрегатами, выдавший вида ЗиС-5 с деревянной кабиной покидает территорию «Новой Голландии» и мчится по проспектам и улицам, выжимая все возможное из латаного-перелатаного двигателя. Шофер Гриша оказался из той категории людей, с которыми с первого раза завязываются приятельские отношения (с такими людьми легко), он, почти непрерывно что-то напевая, вел машину уверенно, зная наизусть маршрут, названный мной. Гриша успел еще и рассказать о себе. Из Луги он пришел с беженцами в Ленинград в начале блокады. В военкомате, куда он, имея при себе документы, обратился, чтобы узнать, почему его не призывали, Гришу направили в транспортный отдел тыла, где он и «шоферит», имея бронь.

Въезжаем на Международное шоссе. Автоматически фиксирую, что миновали Среднюю Рогатку, откуда начался мой путь в училище, определивший на всю жизнь мою судьбу.

В конце проспекта, на левой стороне, на ходу рассматриваю громадное здание с пустыми глазницами выбитых окон, у которого стены искромсаны снарядами и осколками бомб. Кое-где в корпусе зияют громадные дыры.

Осторожно въезжаем на территорию. С трудом, медленно объезжая воронки, пробираемся между завалов. Гриша молчит, его внимание сосредоточено на дороге. Подъезжаем к громадному зданию, на середине которого возвышается башнеподобная надстройка. Понимаю, что корректировочный пост

должен находиться на верхних этажах этой надстройки. По сохранившимся лестничным маршам поднимаюсь с большой осторожностью. Кое-где эти марши опасно шевелятся. Взбираюсь на кровлю и от неожиданного изумления не могу прийти в себя – вся эта площадка размером 50 на 50 метров кишит людьми. Ну прямо муравейник! И главное: вся эта братва из племени коррективовщиков! Какой бес, вопреки разуму и логике, собрал их в одно место! Если залетит сюда снаряд, то всех одним махом... как корова языком слижет! Эта одна из многих тысяч несуряниц, которые случаются в жизни, особенно на войне! Среди этой толчеи разыскал группу Карпова. У него все уже было собрано и готово к переезду на новое место. Немного времени ушло на то, чтобы ребятам подкрепиться. Погрузившись, мы дребезжим по намеченному маршруту.

Не могу не сказать несколько слов о старшине 1 статьи В. Карпове. Это был скромный, даже застенчивый человек. Окончил техникум. Его пятилетний срок службы выходил в июле 1941 года. Когда началась война, было ему около 30 лет и он тянул уже десятый год службы. Он из той категории моряков, на которых держится флот, К сожалению, я не имел возможности наблюдать за ним во время боевых операций. Но я видел огромное уважение к нему со стороны командиров и товарищей. На встрече с ветеранами «Грозящего», на одном из юбилейных торжеств за столом возник вопрос: «Кто из команды мог бы быть достойным звания «Героя Советского Союза?»» Ответ был однозначен: «Карпов». Если будет судьбе угодно, то о нем и многих других я мечтаю написать.

Наконец мы выехали на Пулковское шоссе. До высоты было порядка 18-20 километров. Перед моим взором поле брани, изрытое тысячами, а может, миллионами мин, снарядов и бомб, полуразрушенные фортификационные сооружения, завалившиеся окопы. Небольшие группы бойцов завершают какие-то дела. Этот путь с тяжелыми боями прошли войска генерала Симоняка. Даже в такой обстановке внимание приковано к цели. Что я знаю о Пулковском меридиане и о самой Пулковской обсерватории? Вспоминаю сведения, сообщенные мне, и рассказы штурмана нашего корабля Дмитрия Холостова. Он добровольно взялся инструктировать меня по штурманской части. Лучший штурман эскадры был аккуратен и педантичен в своем деле и любил поэзию Беранже. Каждый раз, открывая дверь в мою каюту, он вопрошал:

Кто сказал, что у Жаннеты

Грудь немножечко пышна? -

и сам же давал ответ:

Пустяки! В руке вот этой

Вся уместится она!

Именно он рассказывал об истории создания обсерватории и значении этого научного учреждения для мореплавания, в частности, для работы и исследований в области штурманского дела.

И о том, что высота холма от подножия поднята на 75 метров от уровня моря, а само Пулковское шоссе отклоняется от истинного меридиана всего на 1 градус с минутами. И тут же рядом болью сверлят мозг пронзительно огненные слова Ольги Берггольц из ее поэмы «Пулковский меридиан»:

Сто двадцать пять блокадных грамм

С огнем и кровью пополам!

Интересна тайна человеческого начала, заложенного Создателем. Докопаемся ли мы когда-нибудь до ее истинных истоков?

Два взрыва вернули меня к реальности. Два снаряда легли справа, третий - впереди в метрах ста от нас, а четвертый - недалеко позади машины. «Сейчас накроют», - пронеслось в голове. Машина

резко остановилась. Шофер с бледным лицом и трясущимися руками, бросив баранку, судорожно пытается открыть дверцу со своей стороны, но старая развалина сослужила добрую службу - дверь заклинило и, несмотря на отчаянные усилия Гриши, она не открывалась. Чтобы я стал делать, если бы она открылась? Лови его тогда в чистом поле! От ярости не отдавая отчет своим действиям, схватил шофера за шиворот, левой рукой выхватил и приставил к его голове ствол «ТТ», нечеловеческим голосом заорал: «Езжай! Пристрелю, как собаку!...» Представьте себе - помогло! Гриша почти мгновенно пришел в себя. Что лучше воздействовало? Угроза оружия или моя словесная импровизация? Трудно сказать. Сам я был в состоянии какого-то аффекта, потеряв самообладание. Как бы то ни было - мы двигались, противник больше не стрелял. Впоследствии, вспоминая этот момент, Карпов утверждал, что конец моей импровизации был двенадцатизажным. Шутил, конечно.

Вот мы и у подножья высоты. Наверху громоздятся развалины величественного здания бывшей обсерватории. Идти туда далековато. Вариант - подняться по склону на машине - отвергается, потому что склон крутой и мин, надо полагать, по склону много заложено. Посоветовавшись, мы решили объехать высоту по шоссе с левой стороны и по более пологому склону подниматься к вершине. Сказано - сделано! Решение оказалось неверным. Только взобрались на половину высоты, как четыре снаряда почти накрыли машину. Осколки и комья земли начали сыпаться в кабину и кузов. В этой ситуации было странно, что не растерялся шофер. Круго взяв вправо, мы скатились с вершины высоты. Обстрела больше не было. Осмотрелись. Осколок, пробив борт машины, задел правую ногу Снеткова выше колена. Кость вроде бы не задета. Обработав рану, перевязали и наложили жгут. Оставив пострадавшего на попечении Гриши, я, Карпов и матрос Неделин стали подниматься на вершину к развалинам. Более получаса длился наш путь. Карпов нашел подходящее место: даль просматривалась на многие километры. Развернув все необходимое для наблюдения и рацию, оценив обстановку, связался с кораблем и доложил о готовности начать работу, а затем, пожелав им успеха, распрощался. С шофером мы бережно усадили раненого в кабину, догадавшись снять жгут. Обратное наше путешествие прошло без приключений. Раненого Снеткова мы определили в медсанбат, развернутый в начале боев в районе мясокомбината (впоследствии корабельный доктор перевез его в морской госпиталь). Прибыв на корабль, я доложил командиру обо всем. Он пожал мне руку и молча кивнул. Эсминец методически, размеренно вел стрельбу. Слышались залпы орудий и других кораблей.

О событиях, происшедших в мое отсутствие, мне рассказал командир БЧ-2 Миша Егоров - старший артиллерист. Как только установилась связь с Карповым и тот дал координаты первых целей, эсминец открыл огонь. Через минут 5-10 с командиром связался начальник штаба эскадры контр-адмирал Н.Т.Сватов. По словам Егорова, между ними произошел краткий разговор:

- Ты что, Маевский, палишь в белый свет-«копеечку»? Снаряды лишние остались?
- Стреляю по целям, выдаваемым корпостом.
- Где он у тебя?
- В районе обсерватории, на Пулковских...
- Свяжись немедленно с Сагояном и доложи ему.

Флагманский артиллерист эскадры, капитан 1 ранга Сагоян в считанные минуты оценил ситуацию, и артиллерия кораблей эскадры какое-то время работала по данным Карпова. А результаты? Позволю себе привести рассказ очевидца тех дней, изложенный в книге Ю. Ставлинского «Конструкторы надводных кораблей» (Лениздат, 1987.). Автор книги пишет: «Сменный зенитчик крейсера «Киров», капитан 1 ранга в отставке А. Ф. Александровский рассказывал: «15 января «Киров» вместе с другими кораблями вел огонь по оборонительным сооружениям врага. Когда наши войска продвинулись, командир послал меня с флагманским артиллеристом Сагояном посмотреть, как стреляли корабли. Вот и Пулково. Позади остались окопы, из которых бойцы генерала Симоняка поднялись в решительную атаку. Горестные чувства вызвали у нас руины Пулковской обсерватории! Не доезжая Красного села, мы вышли из машины и осмотрелись. Перед нами чудовищные горы металлолома, вздыбленные и искореженные взрывами железобетонные плиты и арматура...» И во всем этом, позволю себе сказать, есть какая-то,

пусть маленькая, доля участия старшины Карпова, взявшего на себя на короткое время корректировку стрельбы кораблей эскадры. За это он был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Не обошла награда и меня. В наградном листе при представлении по совокупности моих деяний к ордену Красной Звезды было сказано: «...выполняя приказ командира, в январе 1944 года обеспечил передислокацию корпоста корабля на новый рубеж, проявив инициативу и находчивость».

В 1950 году, уже проходя службу на крейсере «Свердлов», я встретил Карпова в Ленинграде. Он в чине старшего лейтенанта служил в органах ленинградской милиции. Поговорить не удалось: он был на службе, а я спешил на самолет. Много лет спустя, на первой моей встрече с ветеранами «Грозящего», я узнал, что Карпов умер, не дожив и до 50 лет.